

Научная статья

УДК 069.01 + 069.5

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-10-63-73

Японские коллекции Анны Евгеньевны Глускиной в собрании Музея антропологии и этнографии

Александр Юрьевич Сеницын

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

asin@kunstkamera.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7392-1837>

Аннотация

Анна Евгеньевна Глускина (1904–1994) вошла в историю отечественного японоведения как выдающийся переводчик японской поэзии, педагог и наставник, знаток японской культуры, автор большого числа научных трудов. Ее жизни, научному и поэтическому творчеству посвящено немало публикаций. Однако до сих пор остается малоизвестной и недооцененной ее деятельность в качестве музейного работника, а также вклад в формирование и описание японского собрания МАЭ РАН. Между тем именно с работой в МАЭ связан дебют Анны Евгеньевны в качестве профессионального японоведа; музеем она отдала почти 9 лет своей жизни (с 1925 по 1932 г.). Во время научной командировки в Японию в 1928 г. Анна Евгеньевна приобрела для музея свыше 700 предметов, характеризующих различные аспекты традиционной японской культуры, а также около 400 фотографий и негативов. Таким образом, Анна Евгеньевна к началу 30-х гг. XX в. вполне состоялась как профессиональный этнограф-японовед и музейный работник; однако вмешавшиеся в жизнь МАЭ драматические обстоятельства 1933 г. прервали ее деятельность на этом поприще.

Ключевые слова

Анна Евгеньевна Глускина, Музей антропологии и этнографии, Япония, коллекции, экспозиция

Для цитирования

Сеницын А. Ю. Японские коллекции Анны Евгеньевны Глускиной в собрании Музея антропологии и этнографии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 10: Востоковедение. С. 63–73. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-10-63-73

Japanese Collections by Anna E. Gluskina in the Museum of Anthropology and Ethnography

Aleksandr Yu. Sinitsyn

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)

of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

asin@kunstkamera.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7392-1837>

Abstract

Anna Evgenievna Gluskina (1904–1994) is known as an outstanding translator of Japanese poetry, teacher and educator, expert on Japanese culture, author of numerous academic articles and monographs. There are many well-known publications devoted to her life, her research and poetic work. However, her activities as a museum Japanologist, as well as her contribution to the formation and description of the Japanese collection of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS (MAE), are still little known and underestimated. Meanwhile, Anna Evgenievna's debut as a professional Japanologist is connected with her work at the MAE; she spent almost 9 years of her life in the museum (1925–1933). During her academic trip to Japan in 1928, she acquired over 700 pieces that characterize various as-

© Сеницын А. Ю., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 10: Востоковедение. С. 63–73

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 10: Oriental Studies, pp. 63–73

pects of traditional Japanese culture, for the museum: Shinto cult objects, a variety of theatrical accessories including marionette puppets and *kageboshi* shadow theatre items, numerous traditional agricultural implements and fishing gear, peasants' costumes and agricultural instruments as well as about 400 photographs and negatives. All these items were organized into 7 material and 6 photographic collections; the descriptions were made by Anna Evgenievna at a very high professional level and are distinguished by great accuracy; each item is provided with a detailed attribution and ethnic designation supplied with its Japanese character writing and indication of the circumstances of their acquisition. By the early 1930s, Anna Evgenievna had fully established herself not only as a professional Japanologist, but ethnographer and museum researcher, too; however, the dramatic circumstances intervening into the life of the MAE in 1933 had interrupted her activities in this field.

Keywords

Anna Evgenievna Gluskina, Museum of Anthropology and Ethnography, Japan, collections, exposition

For citation

Sinitsyn A. Yu. Japanese Collections by Anna E. Gluskina in the Museum of Anthropology and Ethnography. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 10: Oriental Studies, pp. 63–73. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-10-63-73

Введение

Анна Евгеньевна Глускина (1904–1994) вошла в историю отечественного японоведения как выдающийся переводчик японской поэзии, знаток японской культуры, автор большого числа научных трудов (около 120 публикаций), педагог и наставник. Ее жизни, научному и поэтическому творчеству посвящен ряд публикаций таких известных ученых, как Накамура Ёсикадзу, Н. Ф. Лещенко, Л. М. Ермакова, Т. П. Григорьева, А. А. Олженко и др.¹ Однако до сих пор остается малоизвестной и недооцененной ее деятельность в качестве научного сотрудника МАЭ РАН, а также ее вклад в формирование и описание японского собрания музея.

Данная статья² посвящена краткому обзору деятельности Анны Евгеньевны в МАЭ и собранных ею коллекций по Японии, ныне хранящихся в музее. Эти коллекции, несмотря на многочисленность и тематическое разнообразие представленных в них экспонатов, а также широкое использование их в разнообразных музейных проектах, фактически не были опубликованы как цельный корпус ценных научных материалов по культуре Японии 20-х гг. XX в. То же самое можно сказать и о составленных Анной Евгеньевной рукописных описях этих коллекций – каждая из них представляет собой не просто формальный музейный документ, а научный труд, в который собирательница в полной мере вложила свои знания и душу. Цель статьи – ознакомить читателей с этой гранью японоведческой деятельности Анны Евгеньевны и ее достижениями на этом поприще.

Начало работы в МАЭ и «концептуальные» сложности

Анна Евгеньевна поступила на работу в МАЭ в Отдел Дальнего Востока³ в 1925 г. сразу по окончании Ленинградского института живых восточных языков⁴ и японского отделения Ленинградского государственного университета⁵. «В рабочем порядке» ей пришлось осваивать две совершенно новые для нее специальности – этнографию и музейное дело, которые имели собственную, отдельную специфику и соответствующий круг компетенций и не входили в число дисциплин, преподававшихся студентам-японоведам. Задач, которые должен был решить профессиональный японоведа, в МАЭ накопилось весьма и весьма много: за двести лет существования музея (на момент поступления туда на работу Анны Евгеньевны) сформировалось значительное собрание японских предметов, которые не были должным об-

¹ Об основных научных трудах А. Е. Глускиной и посвященных ей изданиях см.: [Люди и судьбы..., 2003, с. 120–121; Накамура, 2016; Лещенко, Олженко, 1998].

² Статья основана в первую очередь на хранящихся в МАЭ РАН музейных материалах – предметном составе коллекций, собранных А. Е. Глускиной, и подготовленных ею музейных документах.

³ Ранее назывался «Отдел культурных стран Азии».

⁴ Этот институт (ЛИЖВЯ) функционировал с 1920 по 1937 г.

⁵ В 1919 г. все гуманитарные факультеты Петроградского университета были упразднены и сведены в единый Факультет общественных наук, при котором функционировало и японское отделение.

разом ни атрибутированы, ни описаны, а порою даже и не вычленены из состава сборных коллекций по другим этносам, так как большинство дальневосточных поступлений были сборными и объединяли предметы из разных регионов Восточной Азии⁶.

Как можно предположить, вхождение Анны Евгеньевны в этнографическую проблематику могло сопровождаться определенными «концептуальными» сложностями. Профессионализм востоковеда, особенно – японоведа, проявляется в как можно более глубоком погружении в культуру страны изучаемого языка, понимании ее тончайших и сокровенных нюансов. Собственно говоря, постижение изучаемой культуры в ее уникальности и неповторимости и есть цель подготовки востоковеда, что и продемонстрировала Анна Евгеньевна в своих научных трудах. Наверно, в этой связи можно говорить также и о различиях в методологических подходах к музейно-этнографической проблематике со стороны «классических» этнографов, с одной стороны, и востоковедов, с другой. Профессиональные этнографы, работавшие в 20–30-е гг. XX в. в МАЭ, видели главную цель в создании общих теорий этноса в рамках методологической парадигмы своей школы (в 1920-х гг. доминировала эволюционная школа, а позже, в 1930-х, ее фактически вытеснила марксистская школа этнографии). Такой подход был прежде всего ориентирован на выявление общих, типичных для всех этносов и культур, базовых элементов на соответствующих стадиях социального развития, а также универсальных законов эволюции этносов, поэтому идеи о «культурной уникальности» того или иного народа отвергались как противоречащие господствовавшему дискурсу и даже рассматривались как «антинаучные»⁷.

«Эволюционная школа» была представлена в МАЭ такими яркими и харизматичными личностями, как Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927) и Владимир Германович Богораз (1865–1936) и их учениками; марксистская – Николаем Михайловичем Маториным (1898–1936), Исааком Натановичем Винниковым (1897–1973), отчасти – Евгением Георгиевичем Кагаровым (1882–1942) и др.

Можно сказать, что в те годы наметилась тенденция рассматривать музей и музейные коллекции как второстепенный по значимости ресурс, предназначенный для иллюстрирования теоретических построений «высокой» этнографической науки. Такой подход подразумевал, что ценность коллекционных предметов заключается не столько в них самих, сколько в репрезентируемых ими концептах. В контексте этого подхода и примитивное кустарное изделие с минимальной обработкой представляет собой не меньшую научную и музейную ценность, чем уникальный шедевр традиционного искусства, выполненный в сложнейших орнаментальных техниках.

Подход Анны Евгеньевны, судя по составленным ею описям, был несколько другим: влюбленная в японскую культуру, она была сосредоточена на самих предметах, и даже в незамысловатых ремесленных изделиях видела сокрытую в них поэтическую составляющую и чарующее обаяние. И свою задачу как сотрудника этнографического музея она видела в детальной атрибуции каждого конкретного предмета в контексте его этнокультурного функционирования. Примечательно, что Анна Евгеньевна, посвятившая большую часть своей научной карьеры изучению японской поэзии с ее сложнейшими философско-религиозными концептами, прекрасно владела и очень специфической лексикой, описывающей традиционные хозяйственные процессы, инструментарий кустарных промыслов и реалии бытовой повседневной крестьянской культуры. В отличие от большинства предшественников, в составленных ею описях коллекций она систематически давала японские названия каждого

⁶ Значительный вклад в систематизацию японских и других дальневосточных коллекций по Отделу культурных стран Азии в начале XX в. внесли этнограф Бруно Фридрихович Адлер (1874–1942) и китаевед и японовед Алексей Иванович Иванов (1878–1937), однако они успели лишь в первом приближении обработать только часть японских коллекций, создав краткие описи, фактически сводившиеся к инвентарным спискам, без указания этнических названий, описаний, размеров и т. д. На момент поступления Анны Евгеньевны они уже не работали в МАЭ.

⁷ О взглядах Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораз на задачи этнографической науки и принципы организации музейных экспозиций см.: [Михайлова, 2012; 2021].

предмета, а иногда и разные локальные варианты; указывала их иероглифическое написание и латинскую транскрипцию⁸, характеризовала обстоятельства приобретения и составляла подробное описание, что придает описям особую научную значимость. Это особенно важно ввиду того, что целые пласты традиционной японской культуры уже давно безвозвратно ушли в прошлое, и даже современные японцы в настоящее время не только не могут «вспомнить» адекватное название того или иного «этнографического» предмета, но и искренне удивляются, узнав, что сей предмет имеет отношение к японской традиции⁹.

В дальнейшем эти материалы Анна Евгеньевна частично публиковала в своих научных работах. Например, в труде «Заметки о японской литературе и театре» приводится детализированное описание кукол теневого театра *Кагэ-э сибай* (*Кагэ-боси*), приобретенных ею в 1928 г. в местности Хигаси-Окубо у известного мастера-кукольника Кондо Гинносэ [Глускина, 1979, с. 206–225]. Эти предметы (всего – 28 кукол и аксессуаров для пьес «Ацумори» и «Тюсингура»¹⁰) вошли в состав коллекции МАЭ № 3827, подробнейшая опись которой также была составлена самой Анной Евгеньевной.

Что же касается музейной рутинной работы, в Отделе Дальнего Востока МАЭ в те годы было только два специалиста: заведующий Отделом китаист и японовед Георгий Оскарович Монзелер (1900–1959)¹¹ и сама Анна Евгеньевна¹². И именно на их плечи легла вся работа по регистрации и составлению описей очень значительного числа как старых коллекций, так и новых поступлений по Восточной Азии – не только японских, но и китайских, монгольских, бурятских, а также коллекций смешанного состава как по тематике, так и по этнической принадлежности.

В те годы шел поток новых поступлений: от различных музеев, новообразованных советских организаций (например, поступления от Музейного Фонда, Адмиралтейского музея, Русского музея, Военно-Медицинской академии, Лесного музея и других учреждений), от частных собирателей, в том числе князя Эспера Эсперовича Ухтомского (1861–1921), Льва Яковлевича Штернберга, Николая Александровича Невского (1892–1937) и многих других.

Первая запись о регистрации коллекции, сделанная Анной Евгеньевной в Книге поступлений по Отделу культурных стран Азии, относится к 1926 г., последняя – к 1933 г., всего – около 40 коллекций, несколько тысяч предметов. Примечательно, что записи, сделанные А. Е. Глускиной, отличаются очень аккуратным и ровным почерком; они перемежаются с записями Г. О. Монзелера, которые весьма неразборчивы и трудночитаемы.

Командировка в Японию

Можно сказать, что пиком службы Анны Евгеньевны в МАЭ стала ее научная командировка в Японию в 1928 г., где она много и плодотворно работала над изучением японской поэзии в целом и поэтического свода «Манъёсю»¹³ в частности. А кроме этого ей посчастливилось участвовать в этнографической экспедиции по ряду районов префектур Токио¹⁴

⁸ Кириллическая транскрипция, разработанная Е. Д. Поливановым, в те годы еще не имела статуса общепринятой в отечественном академическом японоведении.

⁹ Автор данной статьи неоднократно был свидетелем подобных ситуаций при общении с «обычными» японскими посетителями МАЭ РАН.

¹⁰ «Ацумори» – пьеса о гибели 16-летнего самурая Тайра Ацумори 平敦盛 в битве при Итинотани (одна из битв войны Гэмпэй 1180–1185 гг.). «Тюсингура» (полное название «Канадэхон тюсингура» 仮名手本忠臣蔵) – «Сокровищница вассальной верности» – пьеса по очень популярному сюжету о мести так называемых «Сорока семи верных самураев» за гибель своего господина.

¹¹ О Г. О. Монзелере см.: [Чумакова, 2015].

¹² На время экспедиций Г. О. Монзелера в Китай в качестве и. о. заведующего Отделом Дальнего Востока привлекался Н. И. Конрад. См.: [Отчет, 1929, с. 180].

¹³ «Манъёсю» – 万葉集 *Манъё:сю*; «Собрание мириад листьев» – старейшая антология японской поэзии периода Нара (VIII в.).

¹⁴ Так по материалам А. Е. Глускиной. В настоящее время административный статус Токио – «столичный округ» (都 *то*).

и Сайтама в составе группы Янагита Кунио (柳田國男, 1875–1962), «отца японской этнографии и фольклористики», что весьма и весьма поспособствовало ее целенаправленному собиранию для МАЭ японских этнографических коллекций. Собранные ею материалы были очень высоко оценены коллегами и руководством музея и сразу же стали использоваться в экспозиционной и научно-просветительской деятельности¹⁵.

Всего Анна Евгеньевна приобрела для МАЭ и организовала отправку из Японии в Ленинград свыше 700 предметов, характеризующих различные аспекты традиционной японской культуры:

- синтоистские культовые предметы, в том числе костюм *мико-сан* (см. рисунок, 1), аксессуары синтоистского похоронного церемониала, различные амулеты (см. рисунок, 2) и т. д.;
- предметы по театральному искусству (танцевальные костюмы и маски театра Кагура, музыкальные инструменты, модели сцены театра Но (см. рисунок, 4), куклы-марионетки, куклы теневого театра Кагэбоси;
- традиционные сельскохозяйственные орудия; предметы крестьянского быта и костюма (мужского, женского и детского) (см. рисунок, 3), аксессуары шелководческого производства;
- разнообразные рыболовные снасти;
- традиционные детские игрушки;
- фотографии и негативы.

Собранная Анной Евгеньевной коллекция в японском собрании МАЭ является одной из самых больших по числу предметов, самых качественных по подборке и самых профессиональных по научному описанию за всё время существования музея.

Следует отметить, что Анна Евгеньевна при сборе коллекций целенаправленно подбирала предметы именно этнографического характера, разносторонне иллюстрирующие народную культуру японцев. Тем не менее, среди привезенных ею предметов есть и произведения высокого искусства: например, прекрасная коллекция из 72 гравюр *синханга*, изображающих образцы гримирования актеров тетра Кабуки, исполненные художником Ота Гако (太田雅光, 1892–1975)¹⁶ и полученные в дар от знаменитого актера Кабуки Итикава Энноске II (二代目市川猿之丞, 1888–1963). Уникальным экспонатом можно назвать представленный в постоянной экспозиции МАЭ авторский макет традиционного крестьянского жилища, выполненный по чертежам знаменитого архитектора и дизайнера Кон Вадзиро (今和次郎, 1888–1973), работавшего вместе с Янагита Кунио (см. рисунок, 5).

Все эти предметы были сведены в 7 предметных и 6 фотографических коллекций, описи которых были составлены самой Анной Евгеньевной.

К предметным коллекциям относятся:

- МАЭ № 3824. Коллекция гравюр *синханга* – образцы гримирования актеров тетра Кабуки, работы художника Ота Гако, дар от артиста Итикава Энноске II (1888–1963). 72 предмета;
- МАЭ № 3826. Театральные маски, музыкальные инструменты и аксессуары. 41 предмет;
- МАЭ № 3827. Куклы и аксессуары Театра теней Кагэбоси. 35 предметов;
- МАЭ № 3825. Предметы рыболовства (сети, верши и т. д.). 30 предметов;
- МАЭ № 3914. Предметы крестьянского быта (полные комплекты мужского, женского и детского костюмов), орудия крестьянского труда и т. д. 19 предметов;
- МАЭ № 3915. Предметы, связанные с шелководством. 216 предметов;

¹⁵ Так, «Отчет Академии наук СССР за 1929 г.» упоминает публичную лекцию А. Е. Глускиной «О современной Японии» и выставку новых поступлений из Японии, очевидно, устроенную ею же. См.: [Отчет, 1930, с. 159–160].

¹⁶ Имя Гако 雅光 также может звучать как Масамицу; художник пользовался обоими именами.

• МАЭ № 3916. Аксессуары различных ритуалов и церемоний (свадьбы, включая свадебный костюм и аксессуары, похоронного ритуала, предметы чайного действия, аранжировки цветов и т. д.). 265 предметов.

Из постоянной экспозиции «Япония» МАЭ РАН:

1 – костюм *miko* 神輿 – жрицы синтоистского святилища, исполняющей ритуальные танцы *kagura*; 2 – амулет *o-harame* 御はらめ (大原女), изображающий крестьянку (сборщицу хвороста) в рабочем костюме; 3 – манекен, изображающий стоящую у рисодерки крестьянку, занятую отделением зерен от стеблей; 4 – макет сцены театра Но, пьеса «Мацукадзэ»; 5 – авторский макет традиционного крестьянского жилища, выполненный по чертежам знаменитого архитектора и дизайнера Кон Вадзиро. Все фото автора

From the Permanent Exposition “Japan” in the MAE RAS:

1 – a costume of Shinto shrine *miko* 神輿 priestess performing *kagura* ritual dances; 2 – an *o-harame* amulet 御はらめ (大原女) depicting a peasant woman (twig gatherer) in a working outfit; 3 – a mannequin figure of a Japanese peasant woman working at a rice handling device; 4 – a model of the No Theatre stage, the play “Matsukaze”; 5 – a model of a Japanese country house designed by a famous Japanese architect and designer Kon Wajiro. All photos made by the author

Фотоколлекции насчитывают около 300 единиц, включая фотографии, сделанные во время экспедиции Янагита Кунио:

- МАЭ № 3818. Фототипии предметов буддийского отдела Императорского музея г. Нагасаки. 140 ед.;
- МАЭ № 3822. Фотографии по народному театру и народным празднествам. 37 ед.;
- МАЭ № 3941. Фотографии актеров театра Но. 29 ед.;
- МАЭ № 4006. Фотографии по циклу производства шелка и чаеводства. 55 ед.;
- МАЭ № 4007. Пленка-негативы с изображениями бытовых сцен и принадлежностей Праздника кукол. 23 ед.

Ниже в порядке примера составленных Анной Евгеньевной научных описаний предметов приведем описания двух комплектов крестьянской одежды, женского и мужского, собранных ею в префектуре Сайтама.

3914-2¹⁷. Крестьянский женский костюм 着物(女) [кимоно (онна)], состоящий из бледно-розовой бумажной¹⁸ набедренной повязки с белой настрочкой у пояса, заматываемой у талии¹⁹ на манер юбки – наз. *Koshimaki* [косимаки]²⁰ – 腰巻; из белой бумажной рубашки-кофточка с коротким рукавом и желтой шелковой нашивкой у ворота; из верхнего темного цвета полосатого кимоно, называемого по-местному *uwappari* [уваппари] – 上張, а вообще носящему название *hanten* [хантэн] 半纏, с узкими, несколько короче, чем у обычного кимоно, рукавами, отороченная каймой из этой же материи у ворота и идущая от ворота до самого низа одежды; из *datemaki* [датэмаки] – 伊達巻 – пояса из пестрой бумажной материи, обычно завязываемой под *obi* [оби] – широким поясом – 帶 – сделанным из шелковой голубой, слегка поблекшей материи с растительным орнаментом у краев; затем из *tonpe* [момпэ] – モンペ – женских рабочих *hakama* [хакама] – шаровар из клетчатой, черной с белым материей, стянутых внизу и надеваемых во время работы поверх кимоно; из *tenugui* [тэнугуи] 手拭 – полотенца-повязки, обычно надеваемой на голову во время работы. *Tenugui* сделан из бумажной материи с голубыми разводами и иероглифами; кроме всего, к костюму прилагаются *tekko* [тэкко:] 手甲 – специальные нарукавники, надеваемые крестьянами во время работы, и *tasuki* 褌 – повязка для рукавов. *Tekko* сделаны из бумажной черной материи с голубой подкладкой и тремя золотыми застежками. У середины переднего, выкроенного [неразборчиво] края, закрывающего руку вплоть до пальцев, имеется петелька, которая надевается на средний палец. Оба нарукавника соединены черной тесемкой, которая охватывает спину. *Tasuki* сделаны из зеленой бумажной материи.

Костюм ношенный – куплен в Saitama-ken [Сайтама-кэн, префектура Сайтама] – Murayama-gun [Мураяма-гун, уезд Мураяма] – Yamabe-machi [Ямабэ-мати, селение Ямабэ]. 埼玉県村山郡 山邊町.

Длина *koshimaki* – 83 см. Ширина – 58 см.

Длина *hadajuban* – 58 см. Ширина – 60 см.

Длина *hanten* – 97 см. Ширина – 55 см.

Длина *datemaki* – 2 м 80 см. Ширина – 11 см.

Длина *obi* – 3 м 52 см. Ширина – 15 см.

Длина *tonpe* – 77 см. Ширина – 84 см.

Длина *tenugui* – 95 см. Ширина – 30 см.

Длина *tekko* – 40 см. Ширина – 13,5 см.

Длина *tasuki* – 1 м 84 см. Ширина – 2 см.

3914-3²¹. Крестьянский мужской костюм 着物(男) [кимоно (отоко)], состоящий из белой бумажной набедренной повязки – *fundoshi* [фундоси] 褌, завязываемой белыми тесемками у пояса; из *hadajuban* [хада-дзюбан] 肌襦袢 (*hanten* [хантэн] – 半纏) – нижней рубашки, сделанной из клетчатого, черного с белым, материала, и обшитой белой широкой каймой (материей) у ворота, рукавов нет; затем, из темных полосатых штанов *tomohiki* [момохики] 股引, завязываемых вокруг пояса тесемками из этой же материи; из (по-местному *uwappari* – 上張) *hanten* 半纏 – верхняя рубашка-кимоно из темно-серой бумажной материи, покроя обычного кимоно, только несколько короче, и с узкими прямыми короткими рукавами, несколько сужающимися к краям; кимоно завязывается поясом из гладкой черной бумажной материи. Кроме всего, к костюму прилагается *tenugui* 手拭 – полотенце-повязка из белой бумажной материи с каймой из синих

¹⁷ Опись коллекции МАЭ № 3914, 1928 г. Лист 2.

¹⁸ То есть из хлопчатобумажной материи.

¹⁹ Так написала А. Е. Глускина.

²⁰ Здесь и далее в квадратных скобках дается «Поливановская» кириллическая транскрипция, отсутствующая в материалах А. Е. Глускиной.

²¹ Опись коллекции МАЭ № 3914, 1928 г. Лист 3.

шариков, которое повязывают на голову во время работы, и *kyahan* [кяхан] 脚絆 – наколенники из черной бумажной материи на голубой подкладке с семью металлическими застёжками и черными тесемками, с помощью которых наколенники завязываются вокруг ног.

Костюм ношенный и из той же местности.

Длина *fundoshi* – 98 см. Ширина – 31 см.

Длина *hadajuban* – 76 см. Ширина – 57 см.

Длина штанов *tomohiki* – 85 см. Ширина – 52 см.

Длина *hanten* – 100 см. Ширина – 60 см.

Длина пояса – 1 м 79 см. Ширина пояса – 36 см.

Длина *tenugui* – 91 см. Ширина – 30 см.

Длина *kyahan* – 36 см. Ширина – 18 см.

Конец музейной карьеры

Однако вмешавшиеся в жизнь музея драматические обстоятельства прервали деятельность А. Е. Глускиной на этом поприще. В 1929 г. началось печально известное «академическое дело», приведшее к аресту большого числа сотрудников Академии наук; в том же году под партийным давлением с поста директора МАЭ был снят академик «старой» школы Евфимий Фёдорович Карский (1891–1931); в 1930 г. решением Общего собрания АН СССР директором МАЭ был избран принципиальный марксист Николай Михайлович Маторин, самым активным образом участвовавший не только в развитии отечественной этнографии и поиске новых форм музейного дела²², но и в затронувших академическую среду идеологических конфликтах. Он выступил с новой, весьма идеологизированной и политизированной концепцией реорганизации музея в Институт этнографии АН СССР, предполагавшей кардинальное изменение и его структуры, и научного состава. В одной из своих докладных записок в Президиум АН СССР новый директор следующим образом определил задачи музея:

Не простое любование стариной, а показ исторического процесса в конкретных вариантах, не голый объективизм, а заострённая политически музейная экспозиция, научная статья – школьный учебник – вот что необходимо сейчас в работе советских этнографов. Этнографические музеи, представляя особо могучее орудие пропаганды исторического материализма и ленинской национальной политики, могут и должны быть на высоте требований нашей эпохи... [Решетов, 2003, с. 26–27].

Дирекция МАЭ, преобразованного в Институт этнографии, в лице самого Н. М. Маторина и ученого секретаря И. Н. Винникова, в 1933 г. уволила многих сотрудников музея, взгляды и деятельность которых, как им казалось, не соответствовали новым задачам учреждения. Среди уволенных оказалась и Анна Евгеньевна...

Профессор Марианна Михайловна Шахнович в статье «“Веселые картинки”: из истории Музея антропологии и музея истории религии (1932–1933 гг.)» приводит обнаруженные ею сатирические стихи профессора Евгения Георгиевича Кагарова (1882–1942) «Перелицованная Илиада» об этих драматичных событиях; один из фрагментов посвящен тому, как И. Н. Винников увольнял Анну Евгеньевну [Шахнович, 2020, с. 146–147]:

Гнев, о богиня, воспой Исаака, Натанова сына.
Грозный, который маэвцам нанес неисчетные беды,
Ибо он в царство Аида низринул могучие души

Многих и жен, и мужей, а самих на съедение бросил
Птицам и псам кровожадным, – так воля свершалась Зевеса.

<...>

²² Так, А. М. Решетов, рассматривая деятельность Н. М. Маторина констатирует: «В 1933 г. в МАЭ были открыты восемь новых крупных экспозиций и ряд временных выставок, введены в практику новые методы экспонирования с использованием кинофильмов, яванского театра теней, кукольного японского театра, музыкальных и звуковых иллюстраций и т. д. Некоторые из этих акций и сегодня являются новаторскими и применяются, мягко говоря, не во всех даже самых крупных отечественных музеях. Всё это дает возможность высоко оценить усилия Маторина на ниве музееведения» [Решетов, 2003, с. 155–156].

Тою порою Исаак, как огонь или вихрь ненасытный,
 Грозно обрушился вдруг на незлобную Анну Японку,
 В грудь поразило копьё и свалилася наземь, как яшень,
 Что на вершине горы, отовсюду открытой для взора,
 Медью подрубленный, близит к земле свои нежные листья.
 Анну сгубив, Исаак непреклонный почувствовал радость.

Таким образом завершилась деятельность Анны Евгеньевны в МАЭ; далее она работала сотрудником Японского кабинета Института востоковедения АН СССР, но это уже совсем другая страница ее научной биографии. Ее увольнение, безусловно, стало большой потерей для музея; можно с уверенностью сказать, что если бы она продолжила свою службу в МАЭ, то вполне могла бы стать основателем отечественной школы этнографического и музееведческого японоведения. Но, с другой стороны, переход в Институт востоковедения позволил ей сосредоточить весь свой исследовательский потенциал на любимом деле: изучении и переводе произведений японской литературы. Кроме того, можно предположить, что вынужденный уход из МАЭ / Института этнографии сыграл определенную положительную роль в ее дальнейшей судьбе; возможно, даже спас от более суровых репрессий, нежели те, что выпали на ее долю в 1938–1939 гг. Дело в том, что упомянутый выше первый директор Института этнографии Н. М. Маторин, устроивший самую настоящую «чистку» в рядах сотрудников МАЭ, сам попал под каток репрессий: в начале 1935 г. он был арестован по делу троцкистско-зиновьевского блока, а в 1936 г. – расстрелян. Вместе с ним подверглись репрессиям многие его ученики и коллеги. Г. О. Монзелер, сотрудник А. Е. Глускиной, оставивший работу в МАЭ, опасаясь репрессий, в автобиографии акцентировал конфликтный характер отношений с Н. М. Маториным [Чумакова, 2015].

Заключение

С работой в МАЭ связан дебют Анны Евгеньевны Глускиной как профессионального японоведа – кстати, первого в истории музея, которому она отдала почти 9 лет жизни (с 1925 по 1933 г.). Анна Евгеньевна к началу 30-х гг. XX в. состоялась не только как профессиональный японоведа, но и в полной мере проявила себя как настоящий этнограф и вдохновенный музейный работник. Ее деятельность в МАЭ можно считать весьма успешной.

Что касается привезенных ею коллекций, то сами предметы были достаточно востребованы; в разное время, начиная с 1933 г., они использовались как в постоянной экспозиции, так и в различных тематических временных выставках. Многие вещи широко представлены в нынешней японской экспозиции МАЭ РАН, созданной в 1969 г. Региной Александровной Ксенофонтовой (1923–2000) и Георгием Адамовичем Гловацким (1911–1986) и составляют основу целого ряда тематических витрин.

Так, например, описанный выше комплект крестьянского женского костюма и ряд архаичных орудий крестьянского труда (рисодерка *инэкоки* 稲扱, бамбуковые грабли *кумадэ* 熊手, плетеный совок *ми* 箕, ступа *усу* 碓 с пестом), также привезенных и описанных Анной Евгеньевной, были использованы в витрине «Традиционное сельское хозяйство Японии», где установлен манекен, изображающий стоящую у рисодерки крестьянку, занятую отделением зерен от стеблей (см. рис. 1, 3).

Анна Евгеньевна Глускина, несмотря на вынужденный уход из МАЭ в 1933 г., оставила очень важное для отечественного этнографического и музейного японоведения научное наследие, которое представляет собой серьезный задел для будущих музейно-экспозиционных и научных проектов. Представляется, что эти материалы могли бы стать прекрасной основой для большого каталога собранных, обработанных и описанных ею коллекций по этнографии и искусству Японии.

Список литературы

Глускина А. Е. Заметки о японской литературе и театре. М.: Наука, 1979. 296 с.

- Лещенко Н. Ф., Олженко А. А.** «Так мало времени дано нам на земле» (А. Е. Глускина). 1904–1994 // Российские востоковеды: Д. М. Позднеев, Н. И. Конрад, Н. А. Невский, В. Д. Плотникова, А. Л. Гальперин, Г. И. Подпалова, А. Е. Глускина, В. Н. Маркова. Страницы памяти (сборник). М.: Муравей, 1998. С. 155–176.
- Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с.
- Михайлова Е. А. Л. Я. Штернберг** в Музее антропологии и этнографии АН: успехи и разочарования // Лев Штернберг – гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения / Под ред. Е. А. Резвана. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 9–22.
- Михайлова Е. А.** Временные выставки в МАЭ 1920–1930-х годов и неосуществленный «идеальный музей» Л. Я. Штернберга // Кунсткамера. 2021. № 2 (12). С. 25–34.
- Накамура Ёсикадзу.** Незримые мосты через Японское море: Анна Евгеньевна Глускина (1904–1994) // История отечественного японоведения в портретах / Ред.-сост. Н. Ф. Лещенко. М.: Вост. лит., 2016. С. 236–247.
- Отчет, 1929 – Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1928 год, составлен непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургем с приложением отчетов отдельных академических учреждений. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Ч. 1: Общий отчет. 352 с.
- Отчет, 1930 – Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 год, составлен и. о. непременного секретаря академиком В. Л. Комаровым с приложением отчетов отдельных академических учреждений. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Ч. 1: Общий отчет. 296 с.
- Решетов А. М.** Институт антропологии и этнографии – Институт этнографии АН СССР. 1933–1943 гг. // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 24–42.
- Решетов А. М.** Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы / Сост. Д. Д. Тумаркин. М.: Вост. лит., 2003. Вып. 2. С. 147–192.
- Чумакова Т. В.** Востоковед Г. О. Монзелер: история жизни через призму краткой автобиографии // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития: Материалы XXVII Междунар. науч. конф. Москва, 9–11 апреля 2015 г. М., 2015. С. 474–475.
- Шахнович М. М.** «Веселые картинки»: из истории Музея антропологии и музея истории религии (1932–1933 гг.) // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 139–153.

References

- Chumakova T. V.** Vostokoved G. O. Monzeler: istoriya zhizni cherez prizmu kratkoi avtobiografii. [Orientalist G. O. Monzeler: life history via a prism of his CV]. In: Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny i istochnikovedenie: sovremennye issledovaniya i perspektivy razvitiya [Auxiliary historical disciplines and source studies: modern research and development prospects]. Materials of the XXVII International Scientific Conference. Moscow, April 9–11, 2015. Moscow, 2015, pp. 474–475. (in Russ.)
- Gluskina A. E.** Zametki o yaponskoi literature i teatre [Notes on Japanese literature and Theatre]. Moscow, Nauka, 1979, 296 p. (in Russ.)
- Leshchenko N. F., Olzhenko A. A.** “Tak malo vremeni dano nam na zemle” (A. E. Gluskina). 1904–1994 [“So little time is given to us on the earth” (A. E. Gluskina). 1904–1994]. In: Rossiiskie vostokovedy: D. M. Pozdneevev, N. I. Konrad, N. A. Nevsky, V. D. Plotnikova, A. L. Galperin, G. I. Podpalova, A. E. Gluskina, V. N. Markova. Stranitsy pamyati (sbornik) [Russian Orientalists: D. M. Pozdneevev, N. I. Konrad, N. A. Nevsky, V. D. Plotnikova, A. L. Galperin, G. I. Podpalova, A. E. Gluskina, V. N. Markova. Memory pages (collection)]. Moscow, Muravei, 1998, pp. 155–176. (in Russ.)
- Mikhailova E. A. L. Ya. Shternberg v Muzeie antropologii i etnografii AN: uspekhi i razocharovaniya** [L. Ya. Shternberg in the Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences: successes and disappointments]. In: Rezvan E. A. (ed.). Lev Sternberg – grazhdanin,

uchenii, pedagog. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya [Lev Sternberg – citizen, scientist, educator. To his 150th anniversary]. St. Petersburg, MAE RAS, 2012, pp. 9–22. (in Russ.)

Mikhailova E. A. Vremennye vystavki v MAE 1920–1930-kh godov i neosushchestvlenyi “ideal’nyi muzei” L. Ya. Shternberga [Temporal expositions in the MAE in 1920–1930 and the unrealized “perfect museum” of L. Ya. Sternberg]. *Kunstkamera*, 2021, no. 2 (12), pp. 25–34. (in Russ.)

Nakamura Yoshikazu. Nezhimye mosty cherez Yaponskoe more: Anna Evgen'evna Gluskina (1904–1994) [The invisible bridges across the Japanese sea: Anna Evgen'evna Gluskina (1904–1994)]. In: Leshchenko N. F. (ed.). *Istoriya otechestvennogo yaponovedeniya v portretakh* [The history of Domestic Japanese studies in portraits]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2016, pp. 236–247. (in Russ.)

Otchet o deyatelnosti Akademii nauk SSSR za 1928 god, sostavlenn nepremennym sekretarem akademikom S. F. Oldenburgom s prilozheniem otchetov otdel'nykh akademicheskikh uchrezhdenii [Report on the activities of the Academy of Sciences of the USSR for 1928, compiled by the indispensable secretary Academician S. F. Oldenburg, with the appendix of reports from academic institutions]. Leningrad, AS USSR Publ., 1929, pt. 1: General report, 352 p. (in Russ.)

Otchet o deyatelnosti Akademii nauk SSSR za 1929 god, sostavlenn i. o. nepremennogo sekretarya akademikom V. L. Komarovym s prilozheniem otchetov otdel'nykh akademicheskikh uchrezhdenii [Report on the activities of the Academy of Sciences of the USSR for 1929, compiled by the indispensable secretary Academician V. L. Komarov, with the appendix of reports from academic institutions.] Leningrad, AS USSR Publ., 1930, pt. 1: General report, 296 p. (in Russ.)

Reshetov A. M. Institut antropologii i etnografii – Institut etnografii AN SSSR. 1933–1943 gg. [Institute of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR 1933–1943]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2003, no. 5, pp. 24–42. (in Russ.)

Reshetov A. M. Tragediya lichnosti: Nikolai Mikhailovich Matorin [Personal tragedy of Nikolay M. Matorin]. In: Tumarkin D. D. (comp.). *Repressirovannye etnografy* [The suppressed Ethnography]. Moscow, Vostochnaya Literatura, 2003, pt. 2, pp. 147–192. (in Russ.)

Shakhnovich M. M. “Veselye kartinki”: iz istorii Muzeya antropologii i muzeya istorii religii (1932–1933 gg.) [“Merry pictures”: from the history of the Museum of Anthropology and the Museum of the History of Religion (1932–1933)]. *Antropologicheskii forum*, 2020, no. 47, pp. 139–153. (in Russ.)

Vasilkov Ya. V., Sorokina M. Yu. (comp.). *Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskii slovar' vostoковедов – zhertv politicheskogo terrora v sovetskii period (1917–1991)* [People and destinies. Biobibliographic dictionary of orientologists – victims of political terror in the Soviet period (1917–1991)]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003, 496 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Юрьевич Синицын, кандидат исторических наук
WoS Researcher ID AAP-2049-2020

Information about the Author

Aleksandr Yu. Sinitsyn, Candidate of Science (History)
WoS Researcher ID AAP-2049-2020

*Статья поступила в редакцию 09.08.2022;
одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 30.09.2022
The article was submitted on 09.08.2022;
approved after review on 05.09.2022; accepted for publication on 30.09.2022*